

**Краткий обзор ранних океанийских коллекций МАЭ.
Три «зефира» из императорской Кунсткамеры конца XVIII века.**

Материалы к докладу на Ученом совете МАЭ (Кунсткамера) РАН, 21.02.2012. Доклад посвящен трем гавайским круглым перьевым накидкам из сборов Третьего путешествия капитана Кука, переданным в императорскую Кунсткамеру майором Магнусом Бемом в 1780 г. При подготовке к вывешиванию на сайте текст был подвергнут легкой правке относительно оригинала, хранящегося в архиве МАЭ. Добавлена иллюстрация (см. стр.13) в виде фотоцитаты из книги Л.А.Ивановой.

В общих чертах, когда дело касается ранних поступлений МАЭ, сущность стоящей перед нами источниковедческой проблемы состоит в том, чтобы сопоставить наименования вещей из старых каталогов конца XVIII – начала XIX вв. с вещами известными нам под номерами описей конца XIX – начала XX вв., созданных при переходе на копенгагенскую систему при В.В.Радлове. В свою очередь, данная проблема делится на несколько относительно самостоятельных задач по разделению соответствующих множеств вещей: 1) Америка, Евразия, Океания; 2) Адмиралтейский департамент, Академия наук (1827); 3) коллекции внутри коллекции 736 и в ее «окрестностях»; 4) музейные собрания Петербурга в 1827 г.; 5) поступления в МАЭ в 1930-х гг. Все это при условии, что мы найдем (укажем) и правильно интерпретируем музейные документы, в идеале все «возможные миры» коллекций и поступлений до конца XIX – начала XX вв.

По поводу пункта 2 ограничимся краткой исторической справкой. Вещи из **Музеума Государственного Адмиралтейского департамента (1805-1827)** передавались в 1827-1828 гг. не в Кунсткамеру, а в подразделение Академии наук, по штату 1803 г. (см. ПСЗ) официально именовавшегося «**Музеум¹ Императорской академии наук**» (1803-1836). Мнение, что в 1836 г. именно Кунсткамера была разделена на несколько академических музеев, не соответствует действительности. По всей видимости, это мнение, до сих пор тиражируемое в статьях по истории МАЭ, идет от ошибочного утверждения Ф.К.Руссова [см. Путеводитель, 1891].

Первоочередной задачей по-прежнему остается правильно, т.е. аккуратно, без «повреждений», разъединить множества вещей в поступлениях, соответствующих коллекциям № 736 и № 505, поскольку поступление 1780 г. по составу океанийских вещей пересекается с большинством поступлений в различные музеи Санкт-Петербурга первой четверти XIX в., – поступлений, которые рано или поздно оказывались в собраниях МАЭ. Таким образом, если мы не сумеем разобраться с этим вопросом, безымянными, т.е. обесцененными, за исключением единичных предметов, окажутся практически все

¹ Правильно: «Музей Императорской академии наук» (см.: Белков. П.Л. Очерки ранних океанийских коллекций МАЭ. СПб., 2015. С.97).

ранние океанийские коллекции, подпадающие в этом случае под рубрику «конец XVIII – начало XIX вв.» или, как вариант: «из старых поступлений Кунсткамеры». Если же нам все-таки удастся это сделать, мы сможем постепенно раскрыть состав всех поступлений того времени.

Согласно описи Е.П.Петри, созданной при первой регистрации 1899 года, две трапециевидные гвайские накидки №№ 505-9, 12 и три круглые гавайские накидки №№ 505-17, 18, 19 идентифицируются, соответственно, с «перьяной ментеей» под № 14, «ментеей из мелкого и красного перья» под № 19 и «трем зефирами из красных и желтых перьев» под общим номером № 31 в Описи Бема 1780 года. При реконструкции коллекции Бема (Кука), начатой Ф.К.Руссовым, по-видимому, еще в 80-е гг. XIX в., Е.П.Петри пользовалась именно Описью Бема, скопированной Ф.К.Руссовым в Журнал Этнографического музея (Журнал поступлений №1). Однако по музейным спискам XVIII в. (см. Каталог 1768 г. и сохранившиеся печатные номерные этикетки, наклеенные на предметы в конце XVIII в.) упомянутые вещи проходили уже под номерами, отстающими на единицу, поскольку гравюры, входившие в сопроводительный список, которым и является Опись Бема, были переданы отдельным собранием в библиотеку Академии. На интересующих нас предметах, этикетки, соответствующие этому ряду отсутствуют. Таковы общие сведения документального характера, касающиеся гавайских накидок из коллекций МАЭ.

В 2005 г. была опубликована книга Л.А.Ивановой «Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры», основная цель которой доказать полную непричастность трех круглых гавайских накидок к коллекции Бема (Кука) 1780 г. вместе с некоторыми другими предметами, считавшихся «куковскими». Причем аргументация Л.А.Ивановой такова, что под вопросом оказываются и две трапециевидные накидки. В конечном же счете разрушена вся коллекция № 505 в том виде, в котором она известна по литературе с конца XIX – начала XX вв. (Е.П.Петри восстанавливала коллекцию в два этапа, в 1899 и 1906 гг.).

Аргументы Л.А.Ивановой образуют собой три основные группы: 1) текстологический анализ Описи Бема; 2) этнографический анализ предметов из коллекции № 505; 3) исторический анализ ранних океанийских поступлений МАЭ.

I. В рамках текстологического анализа Л.А.Иванова концентрирует основное внимание на толковании слова «зефир». Исходя из того, что Магнус Бем немец по происхождению и что общение во время передачи ему вещей английскими моряками шло на немецком языке, она обращается к «Российскому лексикону по алфавиту, с немецким и латинским переводом» Ф.Гелтергофа, изданном в 1778 г., в котором даны два значения слова «зефир»: **1. Westwind, zephyrus, fauonis; 2. ein Hauptschmuck des Frauenzim-**

mers, capitis ornamentum sexus muliebris [Гелтергоф 1778: 247]. Прочитав полностью статью «Зефир» из Лексикона Гелтергофа, Л.А.Иванова дает следующий «перевод»: «Зефир, сущ.м.р.2-го скл. Западный ветер, легкий зефир; девичье головное украшение, женское головное украшение» (стр.53). Далее она пишет, что при придании «зефирам» из Описи Бема значения «девичье головное украшение, женское головное украшение» мы получим: «Три девичьих головных украшения из красных и желтых перьев». И в качестве подведения итогов: «При таком переводе любому океанисту ясно, что речь идет о *леи* – перьевых гавайских украшениях, надеваемых молодыми женщинами как на голову, так и на шею» (стр.53).

Переводу Л.А.Ивановой несколько мешает словарное значение слова «Frauenzimmer» – «женщина», «баба», предполагающее совсем другое значение рассматриваемой статьи в лексиконе Гелтергофа: «головное женское украшение» или «главное женское украшение». Поэтому она, «несмотря на тривиальность высказанной мысли» (имеется в виду опасность толкования документа XVIII в., исходя из современных понятий), «углубляет» её, еще раз возвращаясь к толкованию слова «зефир», а на самом деле, слова «Frauenzimmer» (стр.53). К несчастью, еще, по крайней мере, в конце XIX в., как и во второй половине XX в., слово «Frauenzimmer» имело то же значение – «женщина» [Павловский 1900: 544]. «Однако, – тут же восклицает Л.А.Иванова, – Сергей Васильевич Тураев, крупнейший из ныне живущих в Москве филологов-германистов, у которого я консультировала перевод этого слова, уточнил, что в XVIII в. «das Frauenzimmer» означало «девушка»! Следовательно, слова Ф.Гелтергофа нужно понимать: «главное девичье украшение» / «главное девичье убранство» / «украшение для девичьей головы» / «девичий головной убор» и никаких «комнат», «женщин» или «баб» * (см. стр.54).

Здесь надо полагать, Л.А.Иванова вполне намеренно опускает главную посылку, а именно: ключевое для ее концепции положение, согласно которому Гелтергоф в своем лексиконе под «зефиром» якобы подразумевает «венки». Эта скрытая посылка артикулируется позже в другой главе, где гавайское *леи*, вроде бы невзначай, определяется как *перьевой «венки»* [Там же, 141]. Наконец, Л.А.Иванова, опять-таки намеренно, «забывает», что в соответствующей статье лексикона Гелтергофа имеется параллельный перевод на латинский: «capitis ornamentum sexus muliebris». Словосочетание «sexus muliebris» не оставляет и тени сомнений в том, что «зефир» Гелтергофа – это *женский* (головной) убор. В нашем случае даже нет надобности выяснять, какой именно формы головной убор имел в виду Гелтергоф, главное, что именно женский, а не «девичий».

* Здесь мы узнаём некоторые секреты изучения немецкого языка: «Не заглядывая в словарь (sic!), усвоив еще со школы способ перевода сложных немецких существительных (случай «die Kunstammer») можно передать сочетание «das Frauenzimmer» как «женская комната» в значении «будуар», подобно тому, как das Arbeitszimmer – «рабочая комната», «кабинет» [Иванова 2005: 53]. Но мы все-таки пойдем обычным путем. По словарю, немецкое слово Frauenzimmer означает *пренебрежительное «женщина, баба»*.

Следует также обратить внимание на то, что Гелтергоф берет не «femininus» («женский»), но именно «muliebris» («женский» со значением «подобающий женщине»). Вероятно, отсюда проистекает еще одна тонкость: использование термина «capitis ornamentum» вместо «capitis ornatus». Ornamentum – это не только обозначение части одежды, но и «звание», «титул», «честь». Во-вторых, строго по лексикону Гелтергофа, слово «девичий» переводится на немецкий как «den Jungfern gehörig» (die Jungfer – «девушка»), а на латинский – как «virginens» [см.: Гелтергоф 1778]. В целом, что бы ни имел в виду Гелтергоф, говоря о «зефире», это – не венок. В русских изданиях XVIII в. венок назывался «венком» (проверено).

II. Этнографический анализ Л.А.Ивановой сводится к перечислению отличий между предметами 505-9 и 12, с одной стороны, и предметами 505-17, 18 и 19, с другой. Во-первых, она считает, что три последних предмета вообще неверно называть «накидками», что их следует относить к категории воротников, руководствуясь их сравнительно небольшой длиной (как она пишет, они «едва достигали лопаток») и другим способом ношения (отсутствие петель на нижних концах, завязывание шнуров на шее). Кроме того, она, конечно, указывает на различие формы (наличие выреза для шеи) и орнамента (элементы, собранные из черных перьев) (см. стр.136-137). Для того, чтобы доказать принципиальность различия между двумя видами вещей, она доходит до отрицания очевидного: при длине 50, 42 и 40 см эти три накидки закрывают всю спину, не говоря уже о том, что накидка 505-9 имеет длину 36 см, т.е. короче любой из трех (все измерения собственные). Таким образом, тот факт, что трапецевидные и круглые накидки (общепринятая терминология) представляют собой два класса совершенно разных вещей вроде бы можно считать доказанным. Для большей наглядности составляется следующая таблица:

№ п / п	Опись Бема	Колл. № 505
14	Перьяная ментея	505-9 – накидка
19	Ментея из мелкого желтого и красного перья	505-12 – накидка
31	Три зефира из красных и желтых перьев	505-17, 505-18, 505-19 - воротники

Однако затем Л.А.Иванова пишет: «Возникает вопрос, почему предметы в сущности одного класса названы в Описи Бема в двух случаях «ментеями», а в трех других «зефирами»? ... Быть может, основанием для трактовки «зефира» как накидки послужил англо-русский словарь конца XIX в., в котором «зефир» в последнем значении – это «накидка, легкая шаль». Но подобная трактовка «зефи́ров» Описи Бема сомнительна и не отвечает на сформулированный выше вопрос о разном наименовании вещей одного класса» (стр.139). Здесь она ссылается на то, что на предыдущих страницах, со ссылкой на словарь Ф.Гелтергофа, изданный в 1778 г., ею якобы было показано, что в

немецком языке конца XVIII в. «зефир» являлся «девичьим головным украшением» (стр.139). Во-первых, непонятно, почему «в немецком языке», словарь-то русско-немецко-латинский и называется «Российский лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом». Во-вторых, непонятно, из чего следует, что обращаться надо непременно к немецкому языку. Действительно, во время визита англичан на Камчатку в 1779 г. немецкий язык был языком общения, но источником информации были англичане. Это они разъясняли Бему назначение вещей, преподносимых в качестве дара, а не наоборот. Следовательно, смотреть надо именно в английские словари. Кстати, в немецком языке слово «zephyr», или «zephir» имеет значение «зефир», т.е. «легкая прозрачная материя».

Таким образом, ответ на вопрос, почему в Описи Бема трапециевидные и круглые накидки идут под разными названиями, «ментея» и «зефир», очень прост: речь действительно идет о двух разных классах вещей, мужских и женских накидках.

III. Л.А.Иванова пишет, что впервые накидки 505-17 и 505-19 были атрибутированы как гавайские, поступившие из Музеума Адмиралтейского департамента Ф.К.Руссовым: «...два желто-красных воротника из Морского Музея (1827)» (стр.139)*. Объясняя, на чем было основано мнение Ф.К.Руссова о связи двух перьевых накидок с Музеумом Адмиралтейского департамента, Л.А.Иванова указывает на то, что в «Ведомости Редкостям, отданным из Музеума бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук», по которой в 1828 г. коллекции Музеума передавались в академическое собрание, в разделе «Сандвичевы острова» в одной из входных строк значится: «Пелеринок из перьев две» (стр.78). Далее она предполагает, что путем сочетания свидетельства составителя «Ведомости редкостей» со свидетельством О.П.Беляева, который в своей книге «Кабинет Петра Великого» 1800 г. издания упомянул (только) «две мантилии, составленных из прелестнейших желтых и красных попугаевых перьев» [Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб, 1800: 229-230], Ф.К.Руссов отнес к куковскому поступлению только накидки 505-12 и 505-18, поскольку только они вроде бы подпадают под определение «желто-красных» (стр.78).

Таким образом, Л.А.Иванова совершенно верно воспроизводит ход рассуждений Ф.К.Руссова. Однако идентификацию накидок 505-17 и 505-19, как происходящих из Музеума Адмиралтейского департамента, она принимает безоговорочно, а идентификацию накидок 505-12 и – прежде всего – 505-18, как принадлежащих к куковской коллекции, она подвергает сомнению. Основанием для такого утверждения ей служит тезис о том, что накидка 505-18 может принадлежать какому-то неизвестному собирателю. В связи с этим она, например, замечает, что Ф.К.Руссов знал не только о коллекции

* Здесь опять неточность. В оригинале говорится о накидках (Umwürfe)

М.К.Бема, но и о другом возможном источнике поступлений в Кунсткамеру материалов из третьей экспедиции Кука. Здесь она цитирует Ф.К.Руссова: «В том же году [1794] Императрица подарила Академии коллекции, привезенные капитаном Биллингом с побережья моря Беринга и островов Южного моря» (см. стр.78). Комментируя это место, она пишет следующее: «В коллекции И.Биллинга, безусловно, могли находиться вещи из Океании. Сомнительно, правда, наличие среди них гавайских воротников, или накидок, так как И.Биллингс был простым матросом на «Дискавери», а такими предметами одаривали только офицеров корабельных команд. Но даже, если подарок И.Биллинга и содержал океанийские предметы, они не имеют отношения к тому собранию, которое было подарено М.К.Бему и которое было реконструировано Ф.К.Руссовым как куковское. Исходным документом для этой реконструкции ему служила Опись Бема. Вероятнее всего, – заявляет она, – невозможность определить, какая именно из двух желто-красных накидок Музея была подарена М.К.Бему, и заставила Ф.К.Руссова включить их обе в коллекцию» (см. стр.78).

Обратим внимание на структуру рассуждений относительно коллекции Биллинга с точки зрения отрицания принадлежности накидки 505-18 к коллекции Бема: тезис, антитезис, антиантитезис и т.п. Как известно, высказывание, отрицавшееся четное число раз, имеет то же значение истинности, что и соответствующее не отрицавшееся. При использовании этого правила в качестве логического приема, первоначальный тезис по содержанию остается в силе, но по форме выглядит как опровергнутый. Все это делается Л.А.Ивановой с одной единственной целью – представить дело так, что концепция Л.А.Ивановой является продолжением или развитием концепции Ф.К.Руссова, хотя они несовместимы в принципе. С одной стороны, утверждение «все три круглые гавайские накидки не принадлежат к куковской коллекции», с другой – утверждение «только одна из трех круглых гавайских накидок принадлежит к куковской коллекции». О том, зачем это нужно Л.А.Ивановой, мы поговорим позже (вовсе не из почтения к памяти Ф.К.Руссова, как может показаться), а пока рассмотрим факты, которые она приводит, ссылаясь на работу Ф.К.Руссова 1900 г. издания.

NB Исключая три круглые накидки из состава Куковской коллекции Кунсткамеры, Л.А.Иванова особо настаивает на том, что в наше время невозможно документально установить, какой из двух предметов, 505-12 или 505-18, принадлежит к куковской коллекции Кунсткамеры [Иванова Л.А. Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры. М., 2005: 78]. Таким образом из Куковской коллекции вычеркиваются не только три круглых накидки, но и трапецевидная накидка 505-12, поскольку ее принадлежность обосновывается якобы только косвенными данными [Иванова 2005: 143]. Возникает абсурдная ситуация. Опись Бема уже вроде бы и не является документом, историческим свидетельством, удостоверяющим происхождение соответствующих вещей (модель «documentary – circumstan-

tial evidence»). Первоисточником по истории поступления 1780 г. становится уже не Опись Бема конца XVIII в., а работа Ф.К.Руссова, написанная в конце XIX в., точнее, две строки из этой работы.

1. Строка «из Морского Музея (1827) две желто-красных накидки» в книге Ф.К.Руссова, восходящая к строке «Пелеринок из перьев две» из раздела «Сандвичевы острова» в Ведомости редкостям. Здесь необходимо знать историю данного документа, т.е. документы, которые ему предшествовали. В частности, это касается коллекций П.В.Повалишина, Ю.М.Лисянского переданных в Музей Адмиралтейского департамента в 1806 г. В сопроводительных списках есть следующие упоминания: «Различного рода рукоделий из соломы и коры сплетенных: сумки, карзины и прочье всех шесть» [РГА ВМФ, ф.215, оп.1, д.762, л.2] и «Разного рода рукоделий диких из соломы и коры сплетенных четыре» [РГА ВМФ, ф.215, оп.1, д.762, л.4]. В так называемой Ведомости Бестужева, представляющей собой опись вещей, хранившихся в упомянутом Музее в 1825 г. состав этих поступлений раскрывается более подробно. Так, в Ведомости Бестужева упоминаются несколько предметов под наименованием «рукоделие диких» как поступивших от П.В.Повалишина и Ю.М.Лисянского. Три из них составителем Ведомости считались происходившими с Сандвичевых (Гавайских) островов:

50.	Рукоделие диких с Сандвических о-вов одно	1
	От капитана Повалишина	
72.	Рукоделие диких из рыбих кишок одно	1
	От капитана Лисянского	
78.	Рукоделия диких из рыбьих кишок с Сандвичевых островов одна	1
	От капитана Повалишина	
82.	Рукоделие диких из рыбьих кишок	1
83.	Рукоделие диких с Сандвич.островов одно	1
	От капитана Лисянского	

Поскольку один из трех предметов предположительно гавайского происхождения, а именно: «Рукоделий из рыбьих кишок моток один», был передан в 1827 г. в Музей Морского кадетского корпуса [РГА ВМФ, ф.215, оп.1, д.772, л.3-4], в 1828 г. должно было оставаться два предмета. Два эти «гавайских» предмета мы находим в Ведомости редкостям под вокабулой «Сандвичевы острова» во входной строке «Пелеринок из перьев две», а ниже идет входная строка «Рукоделий из рыбьих кишок два мотка». Два первых предмета были идентифицированы как эскимосские под названием «плащей с пелеринками» в рукописном «Общем каталоге» К.К.Гильзена [ПФА РАН, ф.142, оп.1-1918, № 9, лл.387об., 390-390об.]. Камлеи с пелеринами, шили из кишок морских животных, но орнаментировали перьями птиц, поэтому, вероятно, составитель Ведомости редкостям назвал их «пелеринками из перьев». Впоследствии это дало повод Ф.К.Руссову, считать, что под названием «пелеринок» в Академию наук были переданы две гавайские перьевые накидки. Вообще говоря, и некоторые другие наименования вещей, перечис-

ленные в разделе «Сандвичевы острова» Ведомости редкостям, на самом деле также не имеют никакого отношения к культуре гавайцев.

2. Строки «В том же году [1794] Императрица подарила Академии коллекции, привезенные капитаном Биллингсом с побережья Берингова моря и островов Южного моря» в книге Ф.К.Руссова. В Описи Биллингса («Опись уборов, одежде, орудиям и прочим капитаном Биллингсом присланным мелочам») нет ни единого упоминания о вещах, которые хотя бы в какой-то степени можно интерпретировать как привезенные из «Южных морей». Однако Ф.К.Руссов, вероятно, имел дело не с архивной копией Описи Биллингса, а с кратким списком, написанным на немецком языке в середине XIX в. и хранящемся ныне в Отделе учета и хранения МАЭ в одной из старых регистрационных книг. На лицевой стороне листа, вверху обозначено имя «Billings», а на обратной стороне помещены списки вещей из других поступлений с упоминанием идолов, палиц пату-пату и пр., как там помечено, с «Сандвичевых» о-вов или о-ва «Отаити», но без имен собирателей (в частности, Л.С.Вакселя). По всей вероятности, Ф.К.Руссов принял это за продолжение списка вещей Биллингса, и посчитал, что тот прислал в том числе и коллекции, относящиеся к «островам Южного моря».

Кажется, что на этом уже можно было бы уже и закончить все разговоры о непринадлежности трех круглых гавайских накидок МАЭ к куковским коллекциям. Аутентичность все пяти накидок МАЭ полностью подтверждается Описью Бема. Две «ментеи» и две трапециевидные накидки, три «зефира» и три круглых накидки при отсутствии каких-либо документальных свидетельств о поступлении подобных вещей от других собирателей.

Однако нам еще остается разобрать вопрос, касающийся того огромного значения, которое Л.А.Иванова придает преемственности между реконструкцией Ф.К.Руссова и своей собственной (плоть от плоти, но, как принято, на более высоком уровне). Завершая свое исследование по «делу о трех круглых накидках», Л.А.Иванова повторяет тезис о том, что в настоящее время невозможно установить, какой из двух предметов, трапециевидная накидка 505-12 или круглая накидка 505-18 принадлежит к Куковской коллекции, но при этом утверждает, что существует возможность решить вопрос о том, какой из двух был привезен в 1780 г. М.К.Бемом (см. стр.142). Как будто вопрос «какой из двух предметов принадлежит к Куковской коллекции» и вопрос «какой из двух предметов был привезен Бемом» – не один и то же вопрос!

Однако здесь важна не логика, а повод перейти к самому главному. Как удастся выяснить, возможность, о которой говорит Л.А.Иванова, появилась вме-

сте с Каталогом Адриенн Кепплер (1978). Попробуем воспроизвести ход её рассуждений. Как отмечает Л.А.Иванова, «кэпплеровская типология» накидок построена на данных о 27 предметах, только три из которых, а именно петербургские (3 505-17, 505-18, 505-19), имеют подковообразную форму с «вырезом по шее», остальные имеют «трапециевидную форму» с прямым верхним краем. Поскольку накидки («воротники») 505-17 и 505-19 поступили из Музеума Адмиралтейского департамента в 1828 г., они были привезены русскими мореплавателями и, следовательно, не имеют отношения к вещам куковской экспедиции. Предмет 505-18 выпадает из ряда трапециевидных накидок, но образует один ряд с накидками 505-17 и 505-19. Следовательно предмет 505-18 не имеет отношения к Куковской коллекции (стр.142-143).

«Таким образом, – подводит итог своим рассуждениям Л.А.Иванова, – соответственное эпохе и языку понимание и прочтение слова «зефир» в Описи Бема (имеется в виду, что «зефир» - это гавайское *леи*, венок из перьев. – П.Б.) вынуждает признать недоразумением увеличение числа перьевых гавайских накидок и воротников в Куковской коллекции Петербургской Кунсткамеры с двух до пяти, что позволяет расстаться и с этим мифом относительно ее состава, существовавшим на протяжении последнего столетия» (стр.143).

Здесь опять-таки непонятна логика Л.А.Ивановой. Из утверждения, что накидки 505-17 и 505-19 были привезены участниками русских кругосветных путешествий, и утверждения, что накидка 505-18 одного типа с двумя другими накидками, вовсе не вытекает, что эта накидка не является неотъемлемой частью куковской коллекции 1780 г. Здесь мы явно имеем дело с сокращенным силлогизмом, когда опущена первая посылка, позволяющая сделать именно такой вывод. **В качестве такой посылки может служить только утверждение, что круглые накидки не могли быть привезены из третьего путешествия Кука, поскольку во времена Кука в традиционной культуре гавайцев такой элемент культуры попросту отсутствовал.** Возникает вопрос, почему Л.А.Иванова не высказывает эту идею прямо и открыто? Да потому, что эта идея впервые была высказана А.Кепплер. В статье 1983 г, специально посвященной этому вопросу, А.Кепплер доказывает, что круглые накидки имеют позднее, постконтактное происхождение, чем, по ее мнению, и объясняется уникальность петербургских круглых накидок на фоне большинства куковских вещей данного типа, имеющих трапециевидную форму.

«Эти три накидки с шейным вырезом, – пишет она, – были для нас постоянной проблемой (три против двадцати семи. – П.Б.), но, так как их включение в “Куковскую коллекцию” считалось основанным на документальных свидетельствах, мы просто обязаны были причислять их к этой коллекции» [Kaeppler A.L.A Further Note on the Cook Voyage Collection in Leningrad // Journal of the Polynesian Society, 1983, № 92: 95: 93-98]. Как ни странно, этот не очень приятный для МАЭ вывод она обосновывает ссылкой на Опись Бема. Она

утверждает, что в Описи Бема упоминаются только две перьевые накидки, № 14, «feather mantle», и № 19, «mantle of small yellow and red feathers» [Kaeppler 1983: 95]. В свою очередь, данное утверждение Кепплер вытекает из другого, её же собственного утверждения, что в строке № 31 в Описи Бема, под именем «трех зефиров», значатся «возможно гавайские перьевые *леи*» [Kaeppler 1983: 93]. В данном случае она пользуется крайне неудачным переводом Описи Бема на английский в статье Якова Света и Светланы Федоровой «Captain Cook and the Russians», опубликованной в журнале «Pacific Studies» в 1978 г. [Svet Y.M., Fedorova S.G. Captain Cook and the Russians // Pacific Studies, 1978: 16-19]. В этой статье 31-ая строка Описи Бема переведена следующим образом: «**Three zephyrs [fan] of red and yellow feathers**» [Svet, Fedorova 1978: 18: 1-19].

Остается загадкой, каким путем Свет и Федорова пришли к тому, что слово «зефир» может иметь значение «веер». Но Кепплер, ориентируясь на опять-таки неверный перевод в Описи Бема термина «опахало» как «fan» («веер») в статьях 7, 8 и 9, трактует термин «zephyr» («зефир») с помощью тройного преобразования: «не-веер», «не-накидка», следовательно, гавайское *леи*, т.е. предмет из перьев, прикрепленных к веревочной основе, который гавайские женщины, по большей части девушки, носили либо в виде ожерелья на шее, либо, предположительно, в виде венка на голове. Разумеется, такой вывод невозможен только средствами анализа даже очень плохого перевода на английский Описи Бема.

На самом деле, этот вывод сделан путем дедукции из априорного убеждения, что во времена третьего путешествия Кука круглые накидки вообще не существовали как одна из универсалий традиционной гавайской культуры и поэтому не могли быть подарены Бему членами его (Кука) экспедиции в 1780 г. («Эволюционная» теория А.Кепплер на правах гипотезы впервые упоминается в Каталоге 1978 г., а затем излагается в статье 1985 г. [Kaeppler A.L. Hawaiian art and society: traditions and transformations // Transformations of Polynesian Culture. Auckland, 1985: 105-131].

Вот почему для Кепплер было «проблемой» наличие документального свидетельства о принадлежности трех круглых накидок к куковскому собранию МАЭ. Как можно видеть, решается эта проблема по английской поговорке: повозка ставится впереди лошади, теория эволюции гавайских накидок – впереди эмпирических фактов, которые должны были бы её обосновывать. Возможно, такой способ построения обвинения или защиты хорош в американском суде присяжных, но едва ли приемлем в научном исследовании. Именно этот путь доказательства, не делая никаких попыток сослаться на статьи А.Кепплер 1983 и 1985 гг., копирует в своей книге Л.А.Иванова буквально по всем пунктам.

Практическая сторона параллельного («совместного») исследования А.Л.Кепплер и Л.А.Ивановой для коллекций МАЭ РАН.

В Каталоге «**Artificial Curiosities**» 1978 г. наклейки 505-17, 18, 19 идут под грифом: «**Evidence: Given by Captain Clerke to the Governor of Kamchatka**» [Каепплер А.Л. “Artificial Curiosities”. Honolulu, 1978: 65]. Венди Арбайт в недавно вышедшей книге «**Links to the Past**» (2011), посвященной традиционной гавайской материальной культуре подчеркивает, что при соотнесении тех или иных артефактов ко времени 3-го путешествия Кука она опирается в основном на выводы Адриенн Кепплер, в том числе на информацию, полученную от неё в ходе личных контактов [Arbeit 2011: 325]. В результате при определении круглые наклейки из МАЭ характеризуются так: «**Said to have been collected on Cook’s third voyage**» (505-17) или «**Museum records connect this cape to Cook’s third voyage**» (505-18, 19). Это вместо положенной им формулировки «**Collected during Captain Cook’s third voyage**».

В семантическом выражении разница измеряется в переоценке (в сторону отрицания) аутентичности. Вместо документальных свидетельств («прямых улик»), речь идет, по меньшей мере, лишь о косвенных свидетельствах («косвенных уликах»), а точнее, о том, что принадлежность трех петербургских круглых наклеек к куковской коллекции является одним из музейных «преданий», или «слухов», что якобы на самом деле их происхождение неизвестно, не будучи подкреплено никакими твердыми данными. Согласно Кепплер, музейные описи слишком часто оказываются достоверными лишь отчасти, или: локализация куковских вещей не может основываться на устных опросах кураторов музейных коллекций [Каепплер 1978: xiii]. Все вроде бы верно. Но в том, что касается куковской коллекции, то ее аутентичность доказывается не поздними описями, а сопроводительными списками, каталогами и другими документами XVIII века, о которых американская исследовательница просто не знает. А если бы и знала, то не смогла бы прочесть, так как не владеет русским языком. Знает она только один документ – Опись Бема – в виде очень скверного перевода на английский. Этого ей кажется достаточным, чтобы вынести обвинительный приговор трем куковским наклейкам из Кунсткамеры.

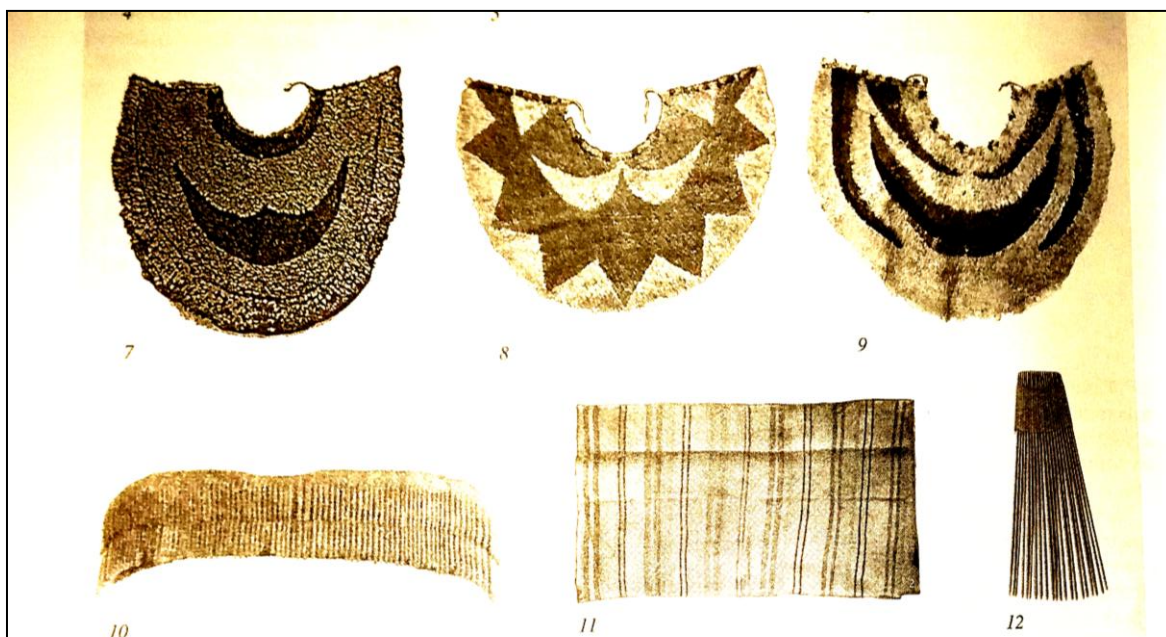
Теоретическая сторона параллельного («совместного») исследования А.Л.Кепплер и Л.А.Ивановой для коллекций МАЭ РАН.

Вычеркивание из традиционной гавайской культуры целого класса вещей с огромной семантической нагрузкой, с точки зрения мифологии, ритуала и социальной организации, в целом искажает первоначальный облик этой культуры. Например, кокошник и сарафан, в некотором смысле, представля-

ют собой тривиальность, но попробуйте вычеркнуть их из традиционной русской культуры.

В заключение заметим, что, если Кепплер исключает из куковской коллекции только три гавайских круглых накидки, то Л.А.Иванова действует с истинным размахом, под совершенно надуманными предложениями фактически исключая из Куковской коллекции 1780 г. еще и две гавайские трапециевидные накидки, а с ними несколько других довольно серьезных вещей, например, гавайскую циновку (мат) *макало* 505-30 (№ 29 «Ковер из травы плетеный» по Описи Бема), или великолепный образец таитянской тапы 737-3 (№ 30 «Намет двойной для палатки темно-вишневой и желтой лычаной материи» по Описи Бема) и т.д. Напротив, в число куковских включаются вещи из коллекций, привезенных участниками русских кругосветных путешествий. Причем эти вещи явно не океанийского происхождения, например, ожерелье 736-295 калифорнийских индейцев из сборов В.М.Головнина. Здесь, надо сказать, Л.А.Иванова опять-таки использует модели исследовательского поведения, заимствованные у А.Л.Кепплер.

Таким образом (без запятой) Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры в одноименной книге Л.А.Ивановой «Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры» почти полностью уничтожается как информационное целое. Естественно, «вирус сомнения» распространяется на все ранние океанийские коллекции (отчасти и на американские), значительно снижая их общую историческую и этнографическую ценность. Такой взгляд совершенно не соответствует действительному положению дел, если речь идет о многочисленных архивных документах. Ранние океанийские коллекции МАЭ по своему содержанию занимают ключевое место среди музейных коллекций мира. Эти коллекции уникальны во всех отношениях: по численности, по набору вещей (предметы практически со всех островных групп, причем многие из них представлены в единственном экземпляре в плане репрезентации той или иной культуры), по культурному возрасту, по многослойному обоснованию исторической подлинности с помощью архивным документов.

Илл. 100. Экспонаты, не принадлежащие Куковской коллекции Петербургской Кунсткамеры XVIII в.
 1 — накидка № 2520-4; 2 — накидка № 2520-5; 3 — накидка № 2520-6; 4 — накидка № 2520-7; 5 — накидка № 2520-8;
 6 — накидка № 2520-9; 7 — воротник № 505-17; 8 — воротник № 505-18; 9 — воротник № 505-19; 10 — зоологический экс-
 понат № 505-27; 11 — циновка № 505-30; 12 — гребень № 505-22